

МИШЕЛЬ ТУРНЬЕ

ПЯТНИЦА,

ИЛИ

ДИКАЯ
ЖИЗНЬ

ВАСИЛКА
САМОКАТА

Классика Самоката

Мишель Турнье

Пятница, или Дикая жизнь

«Самокат»

1971

Турнье М.

Пятница, или Дикая жизнь / М. Турнье — «Самокат»,
1971 — (Классика Самоката)

ISBN 978-5-00167-501-3

Классический «Робинзон» – история потерпевшего кораблекрушение, решившего выстроить знакомый мир на необитаемом острове. А если бы Робинзон отказался от этой затеи? И вместо того, чтобы воссоздавать потерянную цивилизацию, был бы вынужден довериться Пятнице и научиться жизни дикарей? Только во Франции было продано более 8 миллионов экземпляров этой книги. Она рекомендована для чтения в школе министерством образования Франции. Люди по всему миру изучают по ней французский язык и литературу и осваивают другую, более важную, науку – науку жить в равновесии с природой, в гармонии с другими и в мире с самим собой.

ISBN 978-5-00167-501-3

© Турнье М., 1971

© Самокат, 1971

Мишель Турнье

Пятница, или Дикая жизнь

Посвящается Лорану

Перевод с французского *Евгения Бунтмана*

Иллюстрации *Влады Мяконькиной*

Мишель Турнье (1924–2016) – французский писатель и философ, лауреат Гонкуровской премии 1970 г. Турнье по-своему интерпретировал классические сюжеты, предлагая читателю взглянуть на ставшую догмой трактовку под новым углом.

Бессмертная история Робинзона, переосмысленная классиком Мишелем Турнье, вот уже почти пятьдесят лет является символом французской литературы для юных читателей. Робинзон пытается превратить своё вынужденное пристанище в миниатюрное подобие той цивилизации, которую он знал. Но жизнь полна сюрпризов. Островная цивилизация погибнет, и тот, кто ещё вчера был слугой Робинзона, станет его учителем и другом...

История Робинзона Крузо, пропущенная через призму XX века, впервые вышла в «Самокате» в 2003 году.

© Éditions Gallimard, Paris, 1971

© Е. Бунтман, перевод на русский язык, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

1

Однажды вечером 29 сентября 1759 года, около архипелага Хуан-Фернандес, что в шестистах километрах от берегов Чили, небо вдруг почернело. Экипаж «Виргинии» собрался на палубе, чтобы посмотреть на маленькие огоньки, вспыхивавшие на верхушках мачт и реех корабля. Это были огни святого Эльма, явление, вызванное атмосферным электричеством и предвещавшее жестокую бурю. К счастью, «Виргиния», на которой путешествовал Робинзон, могла не бояться самого страшного шторма. Это был голландский галиот, небольшой корабль с низкими мачтами, немного тяжелый и медлительный, но устойчивый в ненастье. Когда в тот вечер капитан ван Дейсел увидел, как один из парусов лопнул от порыва ветра, словно воздушный шарик, он тут же приказал команде убрать остальные и запереться внизу, пока буря не кончится. Единственное, чего стоило бояться, были рифы и песчаные отмели, но на карте они не значились. Казалось, «Виргиния» могла и дальше идти сквозь грозу сотни километров, ничего не страшась.

В то время как капитан и Робинзон спокойно играли в карты, наверху ураган набирал силу. В середине XVIII века многие европейцы – особенно англичане – отправлялись в Америку, чтобы сколотить состояние. Робинзон оставил в Йорке жену и двоих детей, решив путешествовать по Южной Америке и попробовать наладить выгодные торговые связи между своей страной и Чили. Несколько недель ранее «Виргиния» обогнула американский континент, смело преодолев ужасный мыс Горн. Теперь судно шло к Вальпараисо, где Робинзон собирался сойти на берег.

– Не думаете ли вы, что эта буря задержит наше прибытие в Чили? – спросил он у капитана, тасуя карты.

Капитан посмотрел на него с иронической улыбкой, поглаживая стакан с можжевельной, своим любимым напитком. У него было гораздо больше опыта, чем у Робинзона, и он часто подшучивал над нетерпеливостью молодого человека.

– Когда отправляешься в путешествие, подобное этому, – сказал он, выпуская облако дыма из трубки, – уезжаешь, когда захочешь, но прибываешь, когда захочет Бог.

Потом он открыл деревянный бочонок с табаком и погрузил туда свою длинную фарфоровую трубку.

– Так она не разобьется и заодно пропитается медовым табачным запахом, – объяснил он.

Капитан закрыл бочонок и лениво откинулся назад.

– Видите ли, – сказал он, – преимущество бури в том, что мы освобождаемся от любых забот. Против стихии ничего сделать невозможно. Вот мы ничего и не делаем. Отдаемся на волю судьбы.

В этот момент подвешенный на цепях фонарь, освещавший каюту, описал крутую дугу и разбился о потолок. Прежде чем наступила полная темнота, Робинзон успел увидеть, как капитана бросило головой вперед через стол. Робинзон поднялся и направился к двери. Из-за сквозняка он понял, что двери больше нет. Ужаснее всего было то, что после многодневной бортовой и килевой качки корабль стал вдруг абсолютно неподвижен. Видимо, он застрял на рифе или сел на мель. В слабом свете луны, пробивавшемся сквозь бегущие облака, Робинзон заметил на палубе людей, пытавшихся спустить на воду спасательную шлюпку. Он бросился к ним на помощь, и вдруг страшный удар потряс корабль. Почти сразу огромная волна обрушилась на палубу и смела все: и людей, и вещи.

2

Когда Робинзон пришел в себя, он лежал, уткнувшись лицом в песок. Волна накатила на мокрый берег и лизнула его ноги. Робинзон перевернулся на спину. Черные и белые чайки кружились в небе, снова голубом после бури. Робинзон с трудом сел и почувствовал сильную боль в левом плече. пляж был усеян мертвыми рыбами, разбитыми раковинами и черными водорослями, выброшенными волнами. На западе выдавался в море каменистый утес, а за ним – рифовая гряда. Там темнел силуэт «Виргинии» со сломанными мачтами и развевающимися по ветру снастями.

Робинзон поднялся и сделал несколько шагов. Он не был серьезно ранен, но ушибленное плечо все еще болело. Солнце начинало припекать, и он сделал себе подобие шляпы из больших листьев, росших на побережье. Потом он взял крепкую палку и, опираясь на нее, направился к лесу.

Путь ему преграждали поваленные деревья, низкий кустарник и лианы, свисавшие с веток. Робинзону пришлось встать на четвереньки и так двигаться дальше. Вокруг было тихо, животные не показывались. Вдруг в сотне шагов впереди Робинзон заметил дикого козла с длинной шерстью. Животное было неподвижно, казалось, оно наблюдало за Робинзоном. Бросив свою палку, Робинзон вооружился суком потолка. Когда он еще немного приблизился к козлу, тот опустил голову и глухо всхрапнул. Робинзон испугался, что козел сейчас бросится на него. Он поднял дубину и ударил изо всех сил. У козла подогнулись ноги, и он повалился набок.

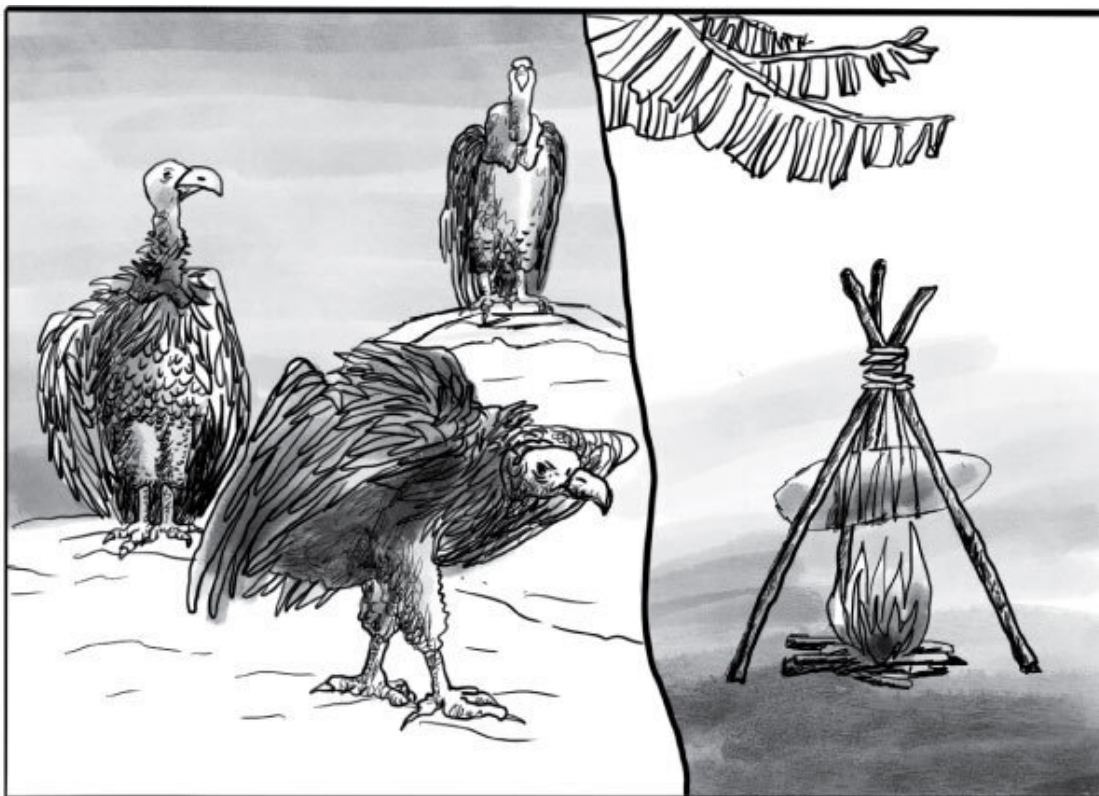
Через несколько часов Робинзон добрался до беспорядочного нагромождения скал. Там, под тенью гигантского кедра, он нашел вход в пещеру, но далеко забираться в нее не стал, потому что она показалась ему слишком глубокой. Робинзон решил исследовать ее позже. Он вскарабкался на самую высокую скалу, окинул взглядом окрестности и понял, что земля со всех сторон окружена морем и ничто в ней не выдает присутствия человека. Остров, похоже, был необитаем. Теперь Робинзону стало ясно, почему козел не испугался: у диких животных, никогда не сталкивавшихся с людьми, человек вызывает не страх, а любопытство.

Робинзон был удручен и разбит. Бродя у подножия скал, он нашел дикий ананас, разрезал его складным ножом и съел. Потом заполз в расщелину под скалой и уснул.

3

Поднявшись с первыми лучами солнца, Робинзон отправился вниз к берегу, на который его выбросило накануне. Он перепрыгивал с камня на камень и с бревна на бревно, с кочки на кочку и с корня на корень и делал это даже с некоторым удовольствием, потому что чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Вообще-то его положение было не так уж плохо. Остров оказался необитаемым, зато здесь не было каннибалов. Кроме того, он выглядел вполне приветливым: прекрасный песчаный берег на севере, влажные низины на востоке, большой лес на западе, а в центре – загадочная пещера и каменистый массив, с вершины которого открывался прекрасный вид. Погруженный в свои мысли, Робинзон шел по вчерашней тропе, когда вдруг заметил убитого накануне козла. С полдюжины стервятников с лысыми шеями и крючковатыми клювами уже делили добычу. Робинзон отогнал их палкой; семена на кривых лапах, птицы неуклюже взлетели. Потом он взвалил на плечи то, что осталось от козла, и медленно пошел к берегу. Робинзон отрезал от туши кусок мяса и, подвесив на связанном из сучьев треножнике, поджарил его. Потрескивание пламени взбодрило его больше, чем жесткое зловонное мясо. Он решил поддерживать огонь постоянно, чтобы сберечь огниво и заодно привлечь внимание какого-нибудь корабля, если тот вдруг будет проходить мимо острова. Впрочем едва ли

что-то могло привлечь матросов больше, чем застрявший на рифах остов «Виргинии», – один ее вид сулил легкую добычу.

Робинзон решил как можно быстрее, пока новый шторм не унес все в море, спасти с корабля оружие, инструменты и провизию. Но он по-прежнему надеялся, что это ему не пригодится, поскольку, думалось ему, какое-нибудь судно вскоре подберет его. Так что в первую очередь он принялся сооружать сигнальные костры на берегу и на скалах. Рядом с тем костром, что постоянно горел на берегу, он свалил охапки веток и водорослей на тот случай, если на горизонте появится парус. Потом ему в голову пришла идея воткнуть в песок мачту с реей наверху. Один из концов реи должен был касаться земли, чтобы в случае необходимости Робинзон мог привязать к нему горящую ветку и поднять ее наверх, потянув за лиану на другом конце. Позже он придумал кое-что получше: на скалах возвышался сухой эвкалипт с полым стволом. Он утыкал ствол мелкими веточками и щепками, которые, если их поджечь, быстро превратили бы дерево в огромный факел, различимый за много километров.

Робинзон питался моллюсками, корнями папоротника, кокосовыми орехами, ягодами, птичьими и черепашьими яйцами. На третий день он отшвырнул прочь кости козла, которые уже начинали гнить. Но вскоре об этом пожалел: стервятники, один раз получившие угощение, преследовали его и наблюдали за ним в ожидании новых подачек. Иногда, окончательно взбесившись, Робинзон кидался в них камнями и поленьями. Мрачные птицы нехотя отступали, но лишь для того, чтобы вскоре вернуться.

4

В конце концов у Робинзона не осталось сил смотреть на пустой горизонт и ждать. Он решил заняться постройкой корабля, достаточно прочного для того, чтобы достичь берегов Чили. Для этого нужны были инструменты. Он собрался, несмотря на то что ему это было

отвратительно, пойти к обломкам «Виргинии» и принести оттуда все необходимое. Робинзон сделал плот, связав лианами дюжину бревен. Получилась шаткая конструкция, вполне, впрочем, пригодная для плавания в штиль. Он отталкивался от дна толстым шестом – из-за отлива было мелко, и он мог спокойно доплыть до ближайшего рифа, где уже легко было найти опору. Робинзон дважды обогнул корабль. На первый взгляд корпус судна был почти цел. Скорее всего, оно наткнулось на подводный риф. Если бы экипаж укрылся от волн на нижней палубе, возможно, никто бы не погиб. Палуба была так завалена обломками мачт, реями и спутанными снастями, что Робинзону стоило большого труда проложить себе путь среди этого хаоса. Такой же беспорядок царил и в трюме, но вода туда не попала, и Робинзону удалось найти в ящиках с провизией галеты и сушеное мясо. Конечно, там были и бочонки с вином, но Робинзон не пил и никогда даже не прикасался к спиртному. Он решил воздерживаться и впредь. Самое удивительное, что удалось Робинзону обнаружить в тот день, были спрятанные в дальней части трюма сорок бочек с порохом – товар, о котором капитан не обмолвился ему ни единым словом, верно, чтобы не напугать.

Из-за того что во время прилива Робинзон не мог управлять плотом, ему понадобилось несколько дней, чтобы перевезти всю взрывчатку на берег. Перерывы между плаваниями он использовал для того, чтобы укрыть бочки от солнца и дождя под покрывалом из пальмовых листьев, прижатых камнями. Еще он перевез ящики галет, подзорную трубу, два кремневых мушкета, двустольный пистолет, два топора, заступ, мотыгу, молоток, мешок льна и большой кусок дешевого красного полотна, предназначенного, видимо, для обмена с индейцами. В капитанской каюте Робинзон нашел плотно закупоренный бочонок табака с большой фарфоровой трубкой внутри, все еще целой, несмотря на свою хрупкость. Кроме того, он нагрузил плот большим количеством досок, выданных из палубы и переборок корабля. И наконец, из каюты первого помощника он забрал Библию, для сохранности завернув ее в парусину.

На следующий день он приступил к постройке судна, заранее приготовив для него имя «Избавление».

5

На одной поляне, совершенно ровной, Робинзон нашел в траве прекрасный сухой миртовый ствол, из которого решил сделать киль своего будущего корабля. Он тут же принялся за работу, время от времени поглядывая на море в надежде увидеть какое-нибудь проходящее судно. Робинзон очистил ствол от сучьев и стал обтесывать его топором, стараясь придать ему прямоугольную форму. На борту «Виргинии» ему не удалось найти ни гвоздей, ни винтов, ни даже пилы. Он работал медленно, аккуратно, соединяя части корабля, как детали гололомок. Робинзон рассчитывал на то, что в воде дерево разбухнет и это придаст конструкции дополнительную прочность. Еще он решил обжечь края деталей, а потом, после сборки, полить их водой, чтобы лучше закрепить в пазах. Сотни раз дерево раскалывалось то от воды, то от огня, но Робинзон терпеливо и неумоимо проделявал всю работу вновь.

Больше всего он страдал от отсутствия пилы. Этот инструмент, который невозможно изготовить подручными средствами, избавил бы его от многих месяцев работы топором и ножом. Однажды утром он проснулся и подумал, что все еще спит: он явственно слышал звук, который мог быть только скрежетом пилы. Иногда звук прерывался, словно пыльник переходил к следующему бревну, но потом возобновлялся с прежней монотонностью. Робинзон тихонько выбрался из расщелины под скалой, где обычно ночевал, и крадучись направился к источнику шума. Сначала он ничего не увидел, но потом заметил гигантского краба, который клешнями пилил зажатый между конечностями кокосовый орех. Наверху, на высоте шести метров, второй краб подрезал черенки орехов, чтобы те упали. Крабов ничуть не потревожило появление Робинзона, и они продолжали шумно трудиться.

Робинзону нечем было просмолить днище лодки, и ему пришлось самому изготавливать что-то вроде смолы. Он почти полностью вырубил заросли остролиста, которые приметил уже давно. Полтора месяца он очищал ветки от верхнего слоя коры, а нижний разрезал на полосы. Потом варил эти полосы в котелке, и они постепенно превращались в густую и вязкую жидкость. Этой жидкостью, еще горячей, Робинзон обмазал корпус корабля.

Работа над «Избавлением» была закончена. Робинзон начал понемногу запасать необходимый провиант. Но он вскоре бросил это занятие, вспомнив, что сперва нужно спустить лодку на воду и посмотреть, как она себя поведет. По правде говоря, он очень боялся испытания, от которого, возможно, зависело его будущее. Хорошо ли «Избавление» будет держаться на воде? Не перевернется ли оно от первой же волны? Робинзона мучили кошмары: ему снилось, как лодка камнем идет ко дну, едва успев коснуться воды, как она погружается в зеленую пучину.

Наконец он решился спустить «Избавление» на воду. И тут же понял, что не в состоянии тащить по траве и песку огромный корабль, весящий более полутонны. Признаться, Робинзон совершенно не задумывался над тем, как переправить лодку к морю. Наверное, это случилось из-за того, что он слишком часто читал Библию, особенно страницы про Ноев ковчег. Тот был построен вдали от моря, и Ною оставалось лишь ждать, когда вода дождей и горных потоков поднимет его. Робинзон совершил роковую ошибку, не догадавшись построить «Избавление» прямо на берегу.

Он попытался подсунуть под днище бревна, чтобы перекатить по ним лодку. Но все, чего он добился, стараясь бревном, как рычагом, приподнять «Избавление», была пробоина в корпусе. Через три дня бесплодных усилий его одолели злость и усталость. Тогда он решил прорыть канаву от моря до самого корабля. По этой канаве «Избавление» могло бы скользить к берегу. Робинзон приступил к работе. Потом он подсчитал и понял, что ему понадобится по меньшей мере десять лет, чтобы осуществить задуманное. И отступился.

6

В самые жаркие летние дни кабаны и их южноамериканские родственники пекари обычно зарываются в лесных болотах. Они топчутся в болотной воде, пока та не превращается в жидкую грязь. Потом они погружаются в нее, оставляя снаружи лишь голову, и так укрываются от жары и насекомых.

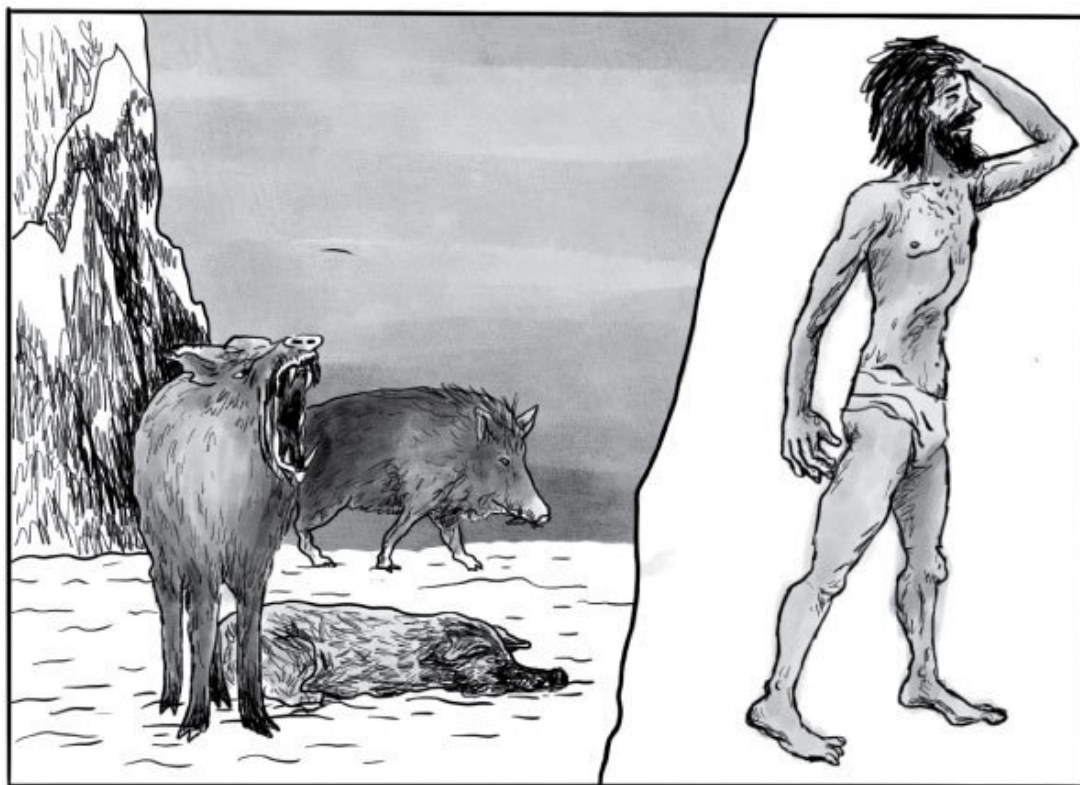
Однажды Робинзон, разочарованный неудачей с «Избавлением», случайно увидел, как стадо пекари направлялось к своей лежке. Он был так расстроен и до того устал, что ему захотелось последовать примеру животных. Он разделся и погрузился в свежую грязь, оставив на поверхности только глаза, нос и рот. Так, среди ряски, кувшинок и лягушачьей икры, он проводил дни напролет. Испарения, которые поднимались от гниющей воды, затуманивали его разум. Порой Робинзону казалось, что он по-прежнему со своей семьей в Йорке, ему слышались голоса жены и детей. Или же он представлял себя младенцем в колыбели, а деревья, гнувшиеся от порывов ветра, принимал за склоняющихся к нему взрослых.

Когда вечером он вставал из теплой жижи, у него кружилась голова. Теперь он передвигался на четвереньках и ел что попало с земли, как свинья. Он не мылся, все его тело с ног до головы покрывала корка засохшей грязи.

Как-то раз, когда он обедал куст болотной жерухи, ему послышалась музыка. Это было похоже на небесную симфонию, на голоса ангелов, поющих под звуки арфы. Робинзон подумал, что он уже умер и слышит райскую музыку. Но тут он поднял глаза и увидел на востоке белый парус. Он кинулся к месту постройки «Избавления», где валялись инструменты, и схватил свой кремль. Оттуда побежал к сухому эвкалипту, поджег охапку веток и через дупло

запахнул их в ствол у самого основания. Оттуда моментально вырвался столб едкого дыма, но пламя все не показывалось.

Да и зачем? Корабль и так плыл прямо к острову. Скоро он бросит якорь вблизи от берега, и от него отойдет шлюпка. С безумным смехом Робинзон бегал по острову в поисках рубашки и штанов, которые вскоре нашел под лодкой. Потом побежал к берегу, яростно раздирая волосы и бороду, слипшиеся на его лице в маску дикого зверя. Корабль был совсем близко. Робинзон уже видел, как он, слегка накренившись, изящно скользит по пенящимся волнам. Это был один из тех испанских галеонов, которые некогда везли из Мексики через океан золото, серебро и драгоценные камни. По мере того как корабль приближался, Робинзон различал на палубе нарядных людей. Казалось, на борту какой-то праздник. На полуите играл маленький оркестр и пел хор детей в белых платицах – эту музыку он и слышал на берегу. Пары грациозно танцевали вокруг стола, уставленного золотом и хрусталем. Похоже, никто не замечал ни человека на острове, ни самого острова, мимо которого теперь плыл корабль, повернув на другой галс. Робинзон бежал за ним вдоль берега. Он кричал, размахивал руками, останавливался, чтобы подобрать камни, и бросал их в сторону судна. Он падал, поднимался, снова падал. Теперь галеон подходил к тому краю побережья, где начинались песчаные дюны. Робинзон бросился в воду и изо всех сил поплыл к кораблю. Он мог видеть лишь кормовую надстройку, занавешенную парчой. В одном из окон сидела, облокотясь на подоконник, девушка и грустно ему улыбалась. Робинзон совершенно точно знал ее, он был в этом уверен. Но кто же, кто она? Он открыл рот, чтобы позвать ее. Соленая вода тут же хлынула ему в горло. Теперь у него перед глазами была только зеленая вода, а в ней – уплывающий задом наперед маленький скат.

В сознание его привел сполох пламени. Как же он замерз! Наверху, на утесе, словно факел в ночи, все еще горел эвкалипт. Робинзон на ощупь двинулся к этому источнику света и тепла.

Остаток ночи он провел скорчившись в траве лицом к раскаленному стволу. По мере того как жар спадал, он придвигался к дереву все ближе. К рассвету ему удалось вспомнить, кто была та девушка с галеона. Он узнал в ней свою родную сестру, Люси, которая умерла

много лет назад. Значит, галеон (а на таких кораблях не плавали уже более двух столетий) *не существовал*. То была галлюцинация, плод его больного воображения.

Робинзон наконец понял, что грязевые ванны и праздная жизнь понемногу сводят его с ума. Почудившийся ему галеон был серьезным предупреждением. Надо взять себя в руки, работать и стать хозяином своей судьбы.

Он повернулся спиной к морю, которое причинило ему столько зла, притягивая его все это время, и направился к лесу и скалам.

7

Следующие несколько недель Робинзон посвятил методичному исследованию острова. Он брал на заметку источники и естественные укрытия, лучшие места для рыбалки, места, где растут кокосовые орехи, ананасы и капустные пальмы. Свой главный склад он разместил в пещере, вход в которую находился в скалах в центре острова. Туда он перетащил все, что мог, с корабля, чудом уцелевшего в бурях последних месяцев. В самый дальний угол пещеры поместил сорок бочек пороха, затем принес три сундука с одеждой, пять мешков зерна, две корзины с посудой и столовым серебром и несколько ящиков с самыми разными вещами: подсвечниками, шпорами, увеличительными стеклами, перочинными ножами, очками, морскими картами, украшениями, зеркалами, игральными костями. Кроме того, он взял в пещеру сундучок со всевозможными морскими приспособлениями – тут были канаты, блоки, фонари, удочки, поплавки. И, наконец, переправил в свое укрытие ларец с золотыми, серебряными и медными монетами. К сожалению, книги, найденные в каютах «Виргинии», были испорчены водой. Море и дождь смыли весь текст, но Робинзон решил высушить страницы на солнце и писать на них свой дневник. Оставалось только найти жидкость, которая могла бы заменить чернила.

Такую жидкость он извлек из рыбы, водившейся около Восточной скалы. Это была еж-рыба, или Двужуб. У ежа-рыбы мощная нижняя челюсть, а все тело покрыто ядовитыми иглами. В случае опасности она набирает в себя воздух, надувается и становится круглой, как шар. Поскольку весь воздух собирается в ее животе, в эти моменты она спокойно плавает на спине. Как-то раз Робинзон пошевелил палкой одну из таких рыб, выброшенных на песок и заметил: все, что прикасалось к ее животу, окрашивалось в стойкий ярко-красный цвет, который прекрасно мог бы заменить чернила.

Он тут же взял перо стервятника, очинил его и вывел несколько слов на листе бумаги. Робинзон решил каждый день заносить в книгу важнейшие события своей жизни. На первой странице он нарисовал карту острова и написал под ней название, которое только что придумал: «Сперанца», что значит «надежда». Он решил, что больше никогда не будет отчаиваться.

Среди всей фауны острова самыми полезными животными для Робинзона, несомненно, могли стать козы. Они водились здесь во множестве, нужно было лишь приручить их. Козочки достаточно легко подпускали его к себе, но как только он пытался их доить, они тут же начинали яростно сопротивляться. Тогда ему пришлось соорудить загон. Он прикрепил к кольям несколько горизонтальных жердей и переплел их лианами. В загон он поместил совсем маленьких козлят, которые своими криками привлекали туда взрослых коз. Затем Робинзон козлят выпустил, а коз оставил и стал ждать. Через несколько дней набухшие сосцы стали причинять козам боль, и они охотно позволили себя подоить.

Осмотр спасенных с «Виргинии» мешков с рисом, пшеницей, ячменем и маисом горько разочаровал Робинзона. Часть зерна съели мыши, оставив лишь смесь половы и помета. Другая часть была испорчена морской и дождевой водой. Робинзону пришлось перебирать все по зернышку – долгая и утомительная работа, требующая большого терпения. Но ему все же удалось

засеять несколько акров луговины, которую он предварительно выжиг и вспахал железной пластиной с «Виргинии», приделав к ней рукоятку.

Приручив коз и вспахав поле, Робинзон заложил на острове основы цивилизации. Но ростки ее были еще малы и хрупки, и то и дело что-нибудь напоминало ему, что остров остается землей дикой и враждебной. Например, однажды утром он заметил вампира, который присосался к одной из коз и пил ее кровь. Вампиры – это огромные летучие мыши, величина

которых иногда достигает семидесяти пяти сантиметров. По ночам они тихо садятся на спину спящим животным и сосут кровь. В другой раз Робинзон собирал моллюсков на скалах, наполовину скрытых под водой, и вдруг мощная струя ударила ему прямо в лицо. Немного оторопев, он двинулся было дальше, но тут в лицо ему снова ударила струя. В конце концов между камней он обнаружил маленького осьминога, который обладал удивительной способностью выбрасывать изо рта струи воды с поразительной точностью.

Как-то раз, в один и тот же день сломав заступ и упустив лучшую дойную козу, Робинзон снова впал в уныние. Он направился к кабаньей лежке и, сняв одежду, погрузился в теплую грязь. И сразу отравленные испарения гниющей воды, над которой кружились тучи комаров, окутали его, и он потерял чувство времени. Он забыл остров с его стервятниками, вампирами и осьминогами. Ему казалось, что он снова маленький ребенок в доме отца, суконщика из Йорка; ему слышались голоса родителей, братьев и сестер. Он понял, что праздность, малодушие и отчаяние по-прежнему подстерегают его, и чтобы их избежать, он должен работать, не покладая рук.

Маис полностью погиб, и земля, где Робинзон его посеял, снова заросла крапивой и чертополохом. Но ячмень и пшеница процветали, и, ласково касаясь хрупких и нежных молодых стеблей, Робинзон впервые за свое пребывание на Сперанце испытал радость. Когда пришло время жатвы, он стал искать, что могло бы послужить ему серпом, но нашел только старую абордажную саблю, украшавшую раньше капитанскую каюту. Он собирался жать колосья размеренно, как это делали крестьяне у него на родине. Но, взяв в руки боевое оружие, он вошел в воинственный раж и двинулся вперед, свирепо рыча и размахивая саблей над головой. Колосья от такой жатвы почти не пострадали, но солома, порубленная, разбросанная и затоптанная, никуда не годилась.

Обмолотив зерно цепом в сложенном пополам парусе, Робинзон выбрал ветреный день и стал его веять, пересыпая из одной корзины в другую, чтобы полосу и труху относил прочь. В конечном счете он с гордостью убедился, что его урожай достиг тридцати галлонов пшеницы и двадцати галлонов ячменя. Для того чтобы смолотить зерно, он сделал ступу и пест – пустой древесный ствол и закругленный на конце толстый сук. Печь была уже готова, но тут он решил, что пока не будет делать хлеб, а использует весь урожай для следующего посева. Отказав себе в хлебе, он полагал, что действует разумно и экономно. На самом деле он впал в другую крайность – скупость, которая потом причинила ему много зла.

Вскоре после первой жатвы Робинзону выпала еще одна большая радость: он нашел Тенна, корабельную собаку с «Виргинии». Пес выскочил из-за кустов, он поскуливал и извивался всем телом, празднуя встречу с вновь обретенным хозяином. Робинзон так никогда и не узнал, как пес провел все это время на острове и почему не пришел к нему раньше. Теперь, когда у него появился товарищ, Робинзон наконец-то решился осуществить свой давний замысел: построить настоящий дом. Ему не хотелось больше ночевать под деревом или в пещере. Для постройки он выбрал место около большого кедра в центре острова. Начертив на земле прямоугольник, он обвел его глубокой канавой, наполнил ее камнями и засыпал песком. На этом сухом и прочном фундаменте он возвел стены из пальмовых стволов. Крышу сплел из тростника и накрыл, как черепицей, листьями каучуконосного фикуса. Внешнюю поверхность стен Робинзон обмазал глиной. Песчаный пол в доме он выложил неровными плоскими камнями, которые собирал, как детали головоломки. Козьи шкуры, тростниковые циновки, мебель, сплетенная из ивовых прутьев, посуда и светильники, спасенные с «Виргинии», подзорная труба, сабля и ружье, развешенные на стенах, создавали в доме уют. Робинзону давно не было так хорошо. Теперь у него появилась новая привычка: в сундуках с «Виргинии» он нашел много одежды (и прекрасной одежды, надо заметить!) и каждый раз полностью переодевался к обеду – камзол, штаны, чулки, ботинки и шляпа.

Позже он заметил, что из дома солнце видно лишь несколько часов в день, и решил, что хорошо бы сделать часы, чтобы всегда можно было узнать время, не выходя наружу. После нескольких неудачных попыток ему удалось соорудить что-то вроде клепсидры, водяных часов. В днище прозрачного стеклянного сосуда он проделал совсем маленькое отверстие, откуда вода по капле стекала в медную плошку на полу. Сосуд опустошался ровно за двадцать четыре часа. Робинзон начертил на нем двадцать четыре полоски и пронумеровал их. Таким образом уровень воды всегда показывал точное время. Еще ему нужен был календарь с обозначением дней недели, месяцев и лет. Он не знал, сколько времени провел на острове. Год, два, может, больше? Он решил начать с нуля. Перед домом Робинзон поставил календарный столб – очищенный от коры ствол, на котором он каждый день делал маленькую зарубку, каждый месяц – зарубку побольше, а через двенадцать месяцев вывел цифру 1, обозначив первый год своей жизни на острове.

8

Жизнь шла своим чередом, но Робинзон все сильнее испытывал потребность в более четком распорядке. Он боялся вновь увязнуть в грязи и уподобиться животному. Очень сложно не терять человеческого облика, когда вокруг вас никого нет! Он не знал других средств, кроме работы, дисциплины и дальнейшего освоения острова.

Когда в его календаре появилась тысячная зарубка, он решил дать острову Сперанца Закон. Он надел парадный костюм, расположился перед пюпитром, который сам сделал, чтобы писать стоя, открыл лучшую из книг с борта «Виргинии» и написал:

ХАРТИЯ ОСТРОВА СПЕРАНЦА, начатая на тысячный день по местному календарю

Статья 1:

Робинзон Крузо, рожденный в Йорке 19 декабря 1737 года, назначается губернатором острова Сперанца, расположенного в Тихом океане между островами Хуан-Фернандес и восточным берегом Чили. В этом качестве он облачается всеми правами, чтобы вершить закон на территории острова и примыкающих водах.

Статья 2:

Жители острова должны думать вслух.

(Робинзон боялся разучиться говорить из-за отсутствия собеседника. Он уже заметил, что у него при попытках заговорить заплетается язык, как у пьяного. Отныне он был обязан разговаривать все время – с камнями, с деревьями, с облаками и, разумеется, с Тенном и с козами).

Статья 3:

Пятница объявляется постным днем.

Статья 4:

Суббота объявляется выходным днем. В субботу в семь часов пополудни любая работа на острове должна быть прекращена, а жителям острова предписано переодеться в парадное платье к ужину. В воскресенье утром, в десять часов, жители собираются в храме для молитвы.

(Составляя законы, Робинзон невольно формулировал их так, словно обитателей острова было много. В самом деле, ему казалось абсурдным сочинять законы для одного-единственного человека. И потом, говорил он себе, может быть, случай еще пошлет ему одного или нескольких товарищей...)

Статья 5:

Только губернатор имеет право курить трубку. Но лишь раз в неделю, в воскресенье после обеда.

(В последнее время он открыл для себя радости фарфоровой трубки капитана ван Дейсела. К сожалению, запас табака в бочонке был ограничен, и Робинзон старался растянуть его на возможно довший срок.)

Он решил сделать перерыв, чтобы обдумать, какое наказание должны понести те, кто нарушит закон. Подошел к двери и распахнул ее настежь. Как красиво было вокруг! Листва деревьев, подобная зеленому морю, колеблемому ветром, сливалась вдаль с синевой Океана. Дальше виднелось только чистое голубое небо. Но нет! Робинзон подскочил, заметив в стороне песчаного берега облако белого дыма. Однако он был абсолютно уверен, что огня в той стороне не разжигал. Неужели гости? Он снял со стены ружье, взял пороховницу, мешочек с пулями и подзорную трубу. Потом свистнул Тенна и двинулся к берегу окольным путем, прячась в густом кустарнике.

На песке лежали три длинные пироги. Около сорока человек собрались вокруг костра, над которым поднимались густые клубы белого дыма. Робинзон разглядел в подзорную трубу лица людей и понял, что это костинос из племени араукан, грозные индейцы с побережья Чили. Прежде этот народ противостоял завоевателям-инкам, потом одерживал кровавые победы над испанскими конкистадорами. Низкорослые и коренастые, они были одеты в грубые кожаные фартуки. Их плоские лица с необычайно широко расставленными глазами выглядели тем более странно, что брови, согласно обычаю, были полностью выщипаны. У всех были длинные черные волосы, которыми они то и дело гордо встряхивали. Робинзон уже встречал таких людей во время своих частых поездок в их столицу Темуко. Он знал, что, если начнется новый конфликт с испанцами, индейцы не пощадят ни одного белого.

Неужели на своих пирогах они проделали такой далекий путь – от берегов Чили до Сперанцы? Впрочем в этом не было ничего удивительного, учитывая их репутацию прекрасных моряков. Но скорее всего, у них было поселение на одном из островов архипелага Хуан-Фернандес. И Робинзон тут же подумал, как ему повезло, что он не попал к ним в руки, потому что это было бы верное рабство или даже смерть.

Об арауканах он слышал много рассказов и потому догадывался о смысле проходившего на берегу обряда. Посреди стоящих кругом мужчин взад и вперед ходила, пошатываясь, худая старуха с растрепанными волосами. Она приближалась к огню, бросала туда пригоршню какого-то порошка, а потом жадно вдыхала плотный белый дым, поднимавшийся от костра. Затем поворачивалась к неподвижным индейцам, казалось, осматривая их одного за другим. Потом она возвращалась к очагу, и действие возобновлялось.

Это была колдунья, которой поручили выбрать, на кого из индейцев возложить ответственность за какое-то постигшее племя бедствие: болезнь, необъяснимую смерть или просто пожар, грозу, неурожай... И вдруг она действительно выбрала жертву. Ее костлявая рука указывала на одного из индейцев, а рот изрыгал проклятья, которые Робинзон не мог расслышать. Индеец распластался на земле, дрожа от страха. Из круга вышел человек и направился к нему. Он поднял мачете (большой нож, который служит и оружием, и инструментом) и сорвал с несчастного фартук. Потом он обрушил на него несколько размеренных ударов, сперва отрубив голову, затем руки и ноги. Наконец шесть обрубков были брошены в огонь, и дым тут же стал черным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.